

И. В. Малыгина

Традиция в сценарии глобального проекта: «уходящая натура» или «ангажированная звезда»?

Выполнено по гранту РГНФ № 15–03–0079

Автор обращается к традиции как ценностно-смысловому ядру любой культуры, базовому основанию и самому устойчивому образу идентичности, а также к феномену амбивалентности статуса и роли культурной традиции в условиях глобализации.

С одной стороны, фиксируется выраженная тенденция к сокращению числа традиционных культур и доли носителей традиционного образа жизни, производителей традиционной культуры (сельских производителей) в составе населения государств постиндустриального типа, в связи с которой автор использует метафору «уходящая натура» и акцентирует проблему адекватных способов сохранения традиции и ее интеграции в пространство современной культуры.

С другой стороны, автор аргументирует тезис о том, что именно мощный идентификационный потенциал культурной традиции стимулировал активное развитие традиционализмов и фундаментализмов, а самые острые конфликты современного мира актуализируют дихотомию традиционности и модернизации, выведенной в маргинальные поля теоретической традициологии. Крайней формой этого противостояния, по мнению автора, является феномен «глобального» или «международного» терроризма, легитимация которого выстраивается на идее «защиты» культурной традиции, а также сублимация террористической активности в символическую сферу, выбор культуры в качестве важного стратегического объекта.

Ключевые слова: культура, традиция, традиционная культура, глобализация, глобальный проект, идентичность, модернизация, традиционализм, фундаментализм, международный терроризм.

I. V. Malygina

Tradition in the Global Project Scenario: «Leaving Nature» or «Engaged Star»?

The author addresses to the tradition as a valuable semantic core of any culture, a main basis and the steadiest image of the identity, and also the phenomenon of ambivalence of the status and the role of the cultural tradition in conditions of globalisation.

On the one hand, here is fixed the definite tendency to reduction of a number of traditional cultures and a part of bearers of a traditional way of life, producers of the traditional culture (rural producers) as a part of the population of post-industrial type states in connection with it the author uses a metaphor of «leaving nature» and accents the problem of adequate ways to preserve and integrate the tradition into modern culture space.

On the other hand, the author reasons the thesis that the powerful identification potential of the cultural tradition stimulated active development of traditionalism and fundamentalism, and the heated conflicts of the modern world staticize dichotomy of the traditionalism and modernisation, removed to marginal fields of theoretical traditology. The extreme form of this opposition, according to the author's opinion, is a phenomenon of «global» or «international» terrorism, which legitimation is based on the idea of «protection» of the cultural tradition and also sublimation of terrorist activity to the symbolical sphere, the choice of culture as an important strategic object.

Keywords: culture, tradition, traditional culture, globalisation, global project, identity, modernisation, traditionalism, fundamentalism, international terrorism.

В последнее время тема традиции, казалось бы, пережившая апогей научного интереса еще в 60–80-е гг. прошлого века, снова оказалась востребованной, в том числе в контексте дискурса глобалистики, «рассыпавшись» на множество сюжетов, связанных осмыслением роли, статуса, функций культурной традиции в современном мире. Заметная актуализация рефлексии на тему традиционных, устойчивых оснований культуры, по всем признакам не исчерпавшей еще ресурс постмодернистского релятивизма, свидетельствует, прежде всего, о том, что, как бы ни существовал в

культуре человек (в гармонии ли с ее базовыми ценностями и установками, или в неизбежном конфликте с ними и стремлении вырваться за «флажки»), он не может существовать вне системы координат и нуждается в хотя бы относительной стабильности. Что же касается культуры как пространства смыслов и значений, то ее пределы и кризисы обнаруживаются именно там, где традиционные, устойчивые смыслы и значения утрачивают качество конвенциональности.

Если признать данные замечания корректными, то характеристики современной культуры – тре-

возможные («системный кризис») или вовсе безутешные («антропологическая катастрофа») – оказываются не просто сюжетами в копилку современного мифотворчества.

Отсюда, вероятно, и интерес к традиции как ценностно-смысловому ядру любой культуры, базовому основанию идентичности и ее самому устойчивому образу. А вот контексты такой рефлексии разворачиваются самые разные. В первых, очевиден такой ракурс, как неоднозначность творческого освоения (интерпретации и реинтерпретации) культурной традиции средствами современного искусства.

Второй контекст, не менее очевидный и действительно глобальный, связан с тенденцией к сокращению культурного и лингвистического разнообразия мира. По данным ЮНЕСКО, около 2 500 языков из 6 000 существующих сегодня в мире находятся в зоне риска и в ближайшее время могут исчезнуть, увлекая за собой и соответствующие традиционные культуры (из них 136 – на территории России).

Глобализация с ее выраженными модернизационными установками придает ускорение этим процессам, в частности, сокращая не только число традиционных культур, но и долю носителей традиционного образа жизни, производителей традиционной культуры (сельских производителей) в составе населения государств постиндустриального типа.

Отсюда и метафора «уходящей природы» в названии статьи как отражение окрашенной в тревожные тона дискуссии о необходимости сохранения традиции как универсального механизма функционирования культуры и ее ценностно-смыслового ядра и активных поисков способов переломить ситуацию и найти адекватные способы интеграции традиции в пространство современной культуры.

С другой стороны, время показало, что и глобальной культуры не случилось. Культура оказалась самым непредсказуемым и плохо управляемым игроком в сценарии глобального проекта: чем пластичнее становятся территориальные и государственные границы, тем больше нарастает плотность культурных границ, тем настойчивее они смещаются в ментальное пространство и выстраиваются вокруг идентичностей.

Мощный идентификационный потенциал культурной традиции, стимулировал активное развитие традиционализмов и фундаментализмов. Аналитики утверждают, что в основе фундаменталистских акций, которыми отмечены конец XX – и

весь прожитый отрезок XXI в., лежит именно покушение на культурную идентичность, на сакральные чувства принадлежности человека той или иной культурной традиции.

Эта «эпоха восстания традиционалистов», как бы странно это ни звучало, вполне «культурное» по своим причинам явление, поскольку представляет собой акты борьбы за сакральную неприкосновенность традиционной культуры [1, с. 89], «сопротивления *традиционных культур и народов* тотальному наступлению на них «*цивилизации* без святых и героев» [2, с. 92–93].

Таким образом, в очередной раз актуализируется дихотомия «*традиция – модернизация*», уже не раз осмысленная, переосмысленная и выведенная почти в маргинальные поля теоретической традициологии.

Но, сознательно допуская некоторое упрощение, можно утверждать, тем не менее, что самые глубокие конфликты современного мира «стягиваются» как раз к этому глубинному противоречию двух различных типов социокультурной динамики: **традиционности и модернизации**.

Крайней формой этого противостояния стал исламский («глобальный», «международный» или «новый») терроризм, максимально воплощенный в такой международной структуре, как ИГИЛ или ДАИШ, легитимация которого выстраивается на идее «защиты» культурной традиции, основанной на идеологии ислама.

Эксплуатация этой «священной коровы» для оправдания самых одиозных действий и акций и позволила использовать метафору приглашенной или ангажированной звезды в отношении традиции, которая должна идеологически «вытянуть на себе» весь проект ИГИЛ.

Терроризм настолько стремительно вошел в современный мир, что по-настоящему не получил еще сколько-нибудь системного осмысления.

Понятно, что любое явление, чтобы быть осмысленным, описанным, должно быть рассмотрено с определенной временной дистанции. В данном случае такой возможности нет: терроризм сегодня, как мы можем наблюдать, опережает не только политические реакции и решения, но и научную рефлексию, возможно, и потому, что постоянно демонстрирует все новые формы и векторы развития.

И, пожалуй, самая «свежая» тенденция, которая, как пружина, развернулась на наших глазах в связи с активностью ИГИЛ, – это сублимация террористической активности в символическую

сферу и выбор культуры в качестве важного стратегического объекта.

Очевидно, что разрушение и разграбление памятников мирового культурного наследия, происходящее на наших глазах в Сирии и Ираке, не может быть объяснено только невежественным фанатизмом и поиском дополнительных источников финансирования деятельности террористических организаций.

Лидеры международных террористических организаций очень точно определили уязвимое место, зону «сакрального» для западного общества – общества агностиков и безбожников: это объекты культуры, обладающие символическим, сакральным значением для всего западного мира.

Поэтому разрушение памятников культурного наследия, как это случилось в Пальмире, Мосуле, Афганистане, является мощным жестом и вполне определенным высказыванием.

А усиление эффекта от этого жеста достигается с помощью вполне «творческих» методов – зрелищности, театрализации и эстетизации и в полной мере реализуются благодаря мощной технологической оснащенности современных террористических движений, использованию ресурсов культуры, в частности, всех возможностей новых медиа и экранной культуры для продвижения идеологии терроризма.

Достаточно вспомнить эстетские, откровенно театрализованные и прекрасно срежиссированные, рассчитанные на внешний эффект видеофильмы, с помощью которых всему миру мгновенно стало известно о бесчеловечной расправе ИГИЛ с христианами.

Тот же прием был использован при создании видеороликов уничтожения памятников культурного наследия в Пальмире. Подобные видеонаративы разного качества постоянно появляются в Глобальной сети.

Борис Гройс, немецкий теоретик современного искусства, пишет по этому поводу, что, в отличие от традиции классической культуры, где воин сражался, а художник изображал войну, в совре-

менной культуре, чтобы обрести известность и войти в историю, воин больше не нуждается в художнике. Для этой цели в его распоряжении весь технологический и художественный арсенал современных медиа.

Вот и террорист больше не хочет зависеть от художника и надеяться на отсроченный во времени эффект: приводя в действие взрывной механизм, современный воин (террорист) одновременно запускает и медийную машину [1, с. 335].

Террорист не только «присваивает» функцию художника, с помощью нарратива, фото- и видеоизображения, сильных и эмоционально-выразительных образов внушая обществу свою «правду», но и снова «опережает» – теперь уже художника, который не может соперничать с современными медиа по скорости создания и масштабу повествований.

Таким образом, традиция – явление обоюдострое и далеко не благо без ограничения. Поддерживая этнокультурное разнообразие мира, обеспечивая индивиду экзистенциальный комфорт, чувство укорененности и принадлежности, традиция одновременно задает и устанавливает культурные границы, далеко не всегда и совсем не обязательно дружественные.

Библиографический список

1. Гройс, Б. Политика поэтики: сб. ст. [Текст] / Борис Гройс. – М. : ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013.
2. Кутырев, В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма [Текст] / В. А. Кутырев // Век глобализации. – 2009. – № 2.
3. Флиер, А. Я. Культурология 20–11 [Текст] / А. Я. Флиер. – М. : Согласие, 2011.

Bibliograficheski j spisok

1. Grojs, B. Politika pojetiki: sb. st. [Tekst] / Boris Grojs. – M. : ООО «Ad Marginem Press», 2013.
2. Kutyrev, V. A. Stolknovenie kul'tur s civilizacij kak prichina i pochva mezhdunarodnogo terrorizma [Tekst] / V. A. Kutyrev // Vek globalizacii. – 2009. – № 2.
3. Flier, A. Ja. Kul'turologija 20–11 [Tekst] / A. Ja. Flier. – M. : Soglasie, 2011.